

С подачи кого-то из склонных к метафорам кинокритиков пошла в народе гулять мулька о наступлении эпохи "ММММ": Маковецкого-Машкова-Меньшикова-Миронова. Фамилии прим нового актерского поколения намеренно расставлены в алфавитном порядке - во избежание обид. Евгений Миронов самый молодой из этого квартета, ему и первое слово

Мы видели Женю

Комс. правда. — 1995. — 8 сент. — с. 14-15. а скоро увидим в «Ревизоре»

чал учить французский язык, а потом поймал себя на мысли: зачем мне это нужно? Сценарий средненький, язык я нормально освоить все равно не успею, значит, остаются деньги? А тут еще из России подоспело интересное предложение — не денежное, а творческое, и я бросил все и поехал в Москву. Видите, какой я хороший получаюсь, прямо хочется плюнуть на меня, верно?

"ЛЮБОВЬ" И ДЕНЬГИ

— О вас заговорили после "Любви" Валерия Тодоровского. Потом был "Анкор, еще анкор!" Тодоровского-старшего. Тогда, года два назад, вы охалками собирали призы, а потом волна причмокиваний вокруг имени Миронова пошла на спад. Пережидали?

— Я никогда особенно не заблуждался насчет своей популярности. Да, в метро или на рынке в Саратове на меня пальцами показывают, но разве это популярность? Сегодня достичь прежних масштабов народной любви невозможно. Звезды были раньше, а сейчас есть просто известные артисты. Эра повсеместного узнавания актеров закончилась с Александром Абдуловым и Димой Харатьяном. Это последние народные герои. Может, еще Олег Меньшиков, благодаря повторным телевизионным 35 раз на протяжении одного месяца "Покровским воротам", примелькался зрителям. Все! Как заставить узнавать себя? В кино люди сейчас ходят мало, про театры, у которых своя избранная тусовка, я и не говорю. Что еще? Телепродомы? Это не для меня.

— Почему? Брезгуете?

— Деньги заканчиваются, а позор остается. Это Раневская сказала, не я. Только ради денег делать ничего не стану. И известности ради. Например, все знают актера Богдана Хмельницкого.

— Вероятно, все-таки Бориса Хмельницкого.

— Извините, Бориса... Он присутствует на всех тусовках! Это, как подушка, которая всегда под головой. Какую телепрограмму ни включишь — везде Хмельницкий. Но попробуйте вспомнить хоть одну его роль после Таганки.

— Каждый выбирает свой путь. — Я не осуждаю, нет! Но это не моя дорога. У меня были классные педагоги: Ермакова — в Саратове, Табаков и Леонтьев — в Москве. Они научили меня не размениваться по мелочам. Я постоянно себя одергиваю: ой, что же я делаю, совсем с ума сошел, что ли? Поддер-

жание имиджа, искусственного интереса к себе — это пустота. Может, у меня такое детское представление, но... не детское. Я знаю, что говорю. К чему суесться? Все само придет.

— Уверены?

— Конечно. Посмотрите, Валерий Фокин долго пропадал в бездну и вдруг поставил "Номер в гостинице NN". И больше никто не задает ему вопросов, чем он занимался все время. Меньшиков четыре года назад сделал спектакль "Нижинский" и снова исчез. Его не теребят. Ждут. И я не тороплюсь. Мое от меня не уйдет.

Я, кстати, и интервью суетой считаю, поэтому и даю их крайне редко: врать я не люблю, не могу, а говорить правду не всегда нужно. Лучше промолчать... Блин, если и перед собой лукавить, то зачем тогда жить?

А то, что даже по сравнению с 91-м, 92-м годами, когда, как вы выразились, мне охалками вручали награды лучшего молодого актера, внимание к моей персоне ослабло, объяснимо. Я заявил о себе, надеюсь, киномир узнал, что есть такой артист. Теперь мне не нужно ничего доказывать. Конечно, в юности я мечтал, что меня будут развешивать на части поклонники. Сейчас я удовлетворяюсь тем количеством любящих меня людей, какое есть, и не жалуюсь на то, что мы, мол, забытое поколение. Глупо это. Надо работать — ничто зря не проходит. Убежден, хороших не так много, не стоит беспокоиться, что тебя забудут, что другие заснут. Места талантливым людям всегда хватит.

Поэтому и пресловутое "ММММ" кажется мне во многом надуманным. Мол, сейчас наше время. Но я могу сочинить аббревиатуру "АА-АА" и доказать, что есть актеры с фамилией на эту букву, имеющие право называться символом поколения. Все это относительно.

Хотя, конечно, мне уже 29 лет и пора задуматься о сделанном. — Вы говорите так обреченно-коккетливо, словно вам не 29, а как минимум вдвое больше.

— Кокетливо? Хорошо, уточню: мне 28. Пока. Но я уже перестал быть молодым да ранним. Снизу подпирает новое поколение, а мне недавно предложили роль отца десятилетней девочки. Наверное, соглашусь, чтобы в кино совершить наиболее безболезненный переход к новому состоянию.

И БОГ, И ЧЕРТ

— Что-то мы заикнулись на кино. Но ведь вы театальный актер. Что слышно из студии Та-

ПЛАН

Миронова в «Ангоре» и «Любви», и «Братьях Карамазовых»

бакова? Юбилей Олега Павловича — не в счет.

— Честно скажу: я два года не работаю в своем театре. То есть я каждый день играю в спектакле, у меня больше выходов на сцену, чем у кого бы то ни было, но дело в том, что я ничего нового не делаю. После того, как я ушел к Петру Штайну и стал играть в Театре российской армии Оresta, меня перестали устраивать предложения родного театра. После Штайна я особенно ясно понял, что мне хочется и чего не хочется. Поэтому я сейчас приступаю к новой работе, но опять за стенами табакоской студии. Буду играть у Валерия Фокина в "Братьях Карамазовых".

— Кого?

— Ивана.

— То-то вы мне его цитировали! А почему, кстати, Иван? На мой взгляд, для вас органичнее Алеша Карамазов.

— Да, с Алексеем мне было бы проще, но это ведь и менее интересно. Если я вижу, что роль дается без труда, то от нее отказываюсь. Алексея я сыграл бы и сыграл хорошо, потому что плохо не умею. В моих словах нет бахвальства, а только реальная оценка собственных сил. Что же касается Ивана, то таких ролей мне еще не предлагали, поэтому и не могу ругаться за результат. Но в этом главная прелесть! Алексей — пройденный этап, я уже внутренне перерос эту роль. Мне хочется с чертом поговорить. Пора!

— Кстати, о черте. Вы в Бога верите?

— Хорошо, что вы спросили. Верю. — Это врожденное или приобретенное?

— У меня в семье никто не верил во Всевышнего. Молились на Владимира Ильича Ленина. Помню, у тети дома висел портрет дедушки Ленина, и я любил смотреть в добрые и лучистые глаза Ильича.

...А к Богу я пришел постепенно и не могу даже рассказать волшебного случая прозрения. Крестился в 19 лет. Мама и сестра приняли православие вместе со мной. Получается, и к новой вере мы пришли семьей.

— Вы соблюдаете посты, регулярно ходите в церковь?

— Нет. Недавно я сыграл главного героя в картине Владимира Хотименко "Мусульманин" и в процессе работы над ролью вдруг понял, какой же я неверующий человек. Как бы это объяснить? Конечно, вера — материя тонкая, особенно если речь заходит о православии. Когда я читаю молитву, мне хорошо наедине с Богом, но... Я очень люблю свою профессию, и тут сразу сплетается клубок противоречий с верой. Мне иногда приходится играть не очень хороших людей, сейчас я вообще буду сниматься у Киры Муратовой в роли сексуального маньяка. Как это оправдать перед церковью? Уйти в монастырь и там замаливать грехи? Но я не чувствую себя религиозным фанатиком. Нет, я артист.

— Но ведь христианство, насколько я знаю, в принципе осуждает лицедейство, и кого вы играете — убийцу или священника — для церкви безразлично.

— К счастью, ситуация сдвинулась с мертвой точки. Папа римский сменил гнев на милость, и теперь церковь терпимее относится к театру. Слава Богу! Кстати, я только что приехал из Ватикана, видел, как папа со своего балкона благословляет прихожан.

ДОРОГА ИЗ ПОДВАЛА К ЗВЕЗДАМ

— В Италии вы отдыхали?

— Играл "Орестео". Отдыхать я не умею. Когда у меня появляется свободное время, сразу наваливаются хандра и... как это?... депрессия. Ой, этого я страшно боюсь. Поэтому стараюсь побольше работать.

Впрочем, и путешествовать мне нравится. Если бы я не стал артистом, то подался бы в странники. Спасибо профессии, я объехал всю Европу, был в Японии, Америке. Это прекрасно.

В этих поездках, кстати, я сумел кое-что важное понять. Когда я

был маленький, меня водили в саратовский городской парк "Липки", я смотрел там на памятник Чернышевскому и думал, что ничего серьезнее быть не может. Думал я, конечно, иначе, но смысл такой. А сейчас в Риме я прикоснулся к творениям Микеланджело и... Улетая из Москвы в Италию, я казался себе человеком, многого добившимся в жизни. А вернулся другим, вдруг увидел, как мало еще успел. Конечно, проще всего о сделанном судить по материальным потерям и приобретениям. Я десять лет в Москве. У меня есть квартира, машина, любимая собака. Вроде бы все нормально.

А с другой стороны, я ведь не ради этого сюда ехал. Поэтому из нашей коробочки, из нашего подвала со зрительным залом на сто мест я пошел к Штайну и взялся играть Ореста.

— Сотрудничество со Штайном, а теперь работа с Фокиным — это уход от Табакова?

К стати, вы знаете, что у моего папы фамилия Миронов, а у мамы — Доронина? При этом родители отношения к театру не имеют, а меня все долго принимали за внебрачного сына Андрея Миронова

— Нет, это попытка компромисса. Свой театр я бросать не хочу. Это мой дом. Табаков — хитрый человек, он знает, как удерживать людей. Из самых прекрасных зарубежных гастролей, где платят самые большие суточные, стремлюсь сюда, в наш подвал на улице Чапыгина. Мне хорошо здесь. Тем большие угрозы жизни совести испытываю от того, что играть приходится на стороне.

— Олег Павлович ревнует?

— Очень. Все побочные предложения он называет халтурой. Собственно, он повторяет слова, сказанные когда-то Станиславским. Я понимаю обиды учителя, но не принимаю их. Мне тоже есть что возразить. Иногда на сцене я даже мысленно подгоняю Олега Павловича: "Ну, давай же, давай!" Мне

хочется вывести Табакова из состояния отрешенности, заставить его забыть на сцене о бизнесе, о спонсорах, о производственных и деловых проблемах, пробудить Табакова-актера, увидеть блеск искры Божьей в его глазах. Конечно, Олег Павлович знает, что делает, но... Мне жаль, что учитель растрчивает свой великий актерский талант, искренне жаль. Впрочем, не мне, наверное, судить Олега Павловича.

СОМНАМБУЛА-ОДНОФАМИЛЕЦ

— Вы сказали о театре "дом", но я знаю, что вы домосед и в буквальном смысле этого слова. По-прежнему живете с родителями, как и раньше, привязаны к ним?

— Мы все связаны одной ниточкой. Вместе нам лучше. Времена сейчас больно тяжелые. Когда меня спрашивают, чего я боюсь боль-

ше всего, отвечаю: страшно за родных и близких. Живем мы все... как бы это сказать по-русски? — А по-каковски можете?

— Долбанутое — через букву "е" в начале слова — время сейчас. Можно убить человека и спокойно пойти поставить свечку Николаю-чудотворцу. Я с ужасом думаю: не приведи Господь, какая-нибудь случайность... Сестра моя по вечерам поздно домой возвращается... Поэтому мы все стараемся держаться вместе. Иллюзия защиты.

...Кстати, вы знаете, что у моего папы фамилия Миронов, а у мамы — Доронина? При этом родители отношения к театру не имеют, а меня все долго принимали за внебрачного сына Андрея Миронова. И на съемках моего первого фильма "Перед рассветом" у меня брали автографы

именно как у сына Андрея Александровича, а потом еще просили передать привет папе. Мне стыдно было признаться, что я однофамилец... Потом я поступил в школу-студию МХАТ, и все вахтерши меня обожали — по той же самой причине. За моей спиной шептались, а в глаза делали поблажки, разрешали звонить по служебному телефону, и я этим бессовестным образом пользовался. Тогда я не понимал, что эксплуатирую чужую любовь и славу. Может, действительно, есть во мне что-то от Хлестакова?

Позже, когда не стало Андрея Александровича, мне начали приносить соболезнования, и тут я уже не мог ни в чем признаться по другим причинам, молчал... — А с названным отцом вы не встречались?

— Однажды. В первый раз в своей жизни я пришел на "Мосфильм" и попал в павильон, где шли съемки картины "Победа". Там играл и Андрей Александрович. Я, саратовский мальчишка, увидел живую звезду! И тоже Миронова! Я притаился в углу, чтобы стать еще незаметнее, по команде "Мотор!" решил присесть на стоявший рядом стул. Сиденье провалилось, и я с диким грохотом упал. Естественно, все оглянулись в мою сторону, Миронов захохотал, а меня немедленно выгнали со съемочной площадки...

Потом еще мама Андрея Александровича работала в нашем театре.

— Вы ей все рассказали?

— Нет. Мария Владимировна ко мне очень строго отнеслась. Она сказала: "Миронов может быть только один". После, правда, Миронова посмотрела фильм "Любовь" с моим участием и, ничего не говоря, подошла ко мне и поцеловала. Я воспринял это как благословение.

— А зависть вам знакома?

— Совру, если скажу, что нет. Но я умею радоваться за других. И на своей спине косых взглядов не чувствую. У меня ведь и врагов нет.

— Может, вы их не замечаете?

— Наверное. Такой я человек. Сомнамбула. Живу сам по себе. Это плохо?

Андрей ВАНДЕНКО.